

М.В.Кривов

ОТНОШЕНИЕ СИРИЙСКИХ МОНОФИСИТОВ К АРАБСКОМУ ЗАВОЕВАНИЮ

В исторической литературе, посвященной завоеванию арабами восточных провинций Византийской империи, много внимания уделяется отношению местного монофиситского населения к завоевателям. Широко распространена концепция, согласно которой монофиситы Сирии и Египта повсеместно встречали завоевателей с распростертыми объятиями, рассматривая их как освободителей от ига ромейского государства и гонений со стороны официальной церкви¹. Это обстоятельство якобы и послужило одной из важнейших причин потери Византией ее восточных провинций.

В последние годы данная концепция стала подвергаться пересмотру в трудах некоторых исследователей. Д. Константелос на основе анализа хроники Иоанна Никитусского показал, что в Египте были монофиситы, враждебно настроенные по отношению к арабским завоевателям².

В дальнейшем Дж. Мурхед развил критику указанной концепции в специальной статье, посвященной данному вопросу³. В ней он высказал мысль о том, что монофиситы не обязательно были враждебно настроены по отношению к имперской политике, что в арабах они видели прежде всего опустошителей и грабителей. Им были приведены свидетельства некоторых источников, которые показывают отрицательное отношение монофиситов к арабским завоевателям. Дж. Мурхед пришел к выводу, что принятие тезиса о переходе восточных монофиситов к арабам уводит исследователей от выяснения других подлинных причин арабских побед над византийцами.

Многие положения статьи Дж. Мурхеда носят дискуссионный характер. Довольно ограничено число использованных им источников, что вполне объяснимо, если учесть небольшой объем исследования при одновременном широком его географиче-

¹ Среди множества исследований, авторы которых разделяют данную концепцию, укажем следующие: *Conversion to Islam / Ed. N. Levtzion. Neue Jorh; L., 1979. P. 12; Runcimon St. Byzanz von der Gründung bis zum Fall Konstantinopels. München, 1976. S. 53; Hitti P. K. History of the Arabs. 10th ed. L., 1970. P. 153; Bowman J. The Debt of Islam to Monophysite Syrian Christianity // Essays in Honour of G. W. Thatcher / Ed. E. C. B. MacLaurin. Sydney, 1967. P. 216; Hage W. Die syrisch-jamobitische Kirche in frühislamischer Zeit nach orientalischen Quellen. Wiesbaden, 1966. S. 65–66; Böhlig A. Der christliche Orient als weltgeschichtliches Problem // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. Köln; Brill, 1965. Bd. 17. S. 105; de Goeje M. J. Memoire sur la conquête de la Syrie. Leide, 1900. P. 104; Gibbon E. The History of Decline and Fall of the Roman Empire / Ed. J. B. Bury. L., 1898. Vol. 5. P. 448.*

² *Constantelos D. J. The Moslem Conquest of the Near East as Revealed in the Greek Sources of the VIIth and the VIIIth centuries // Byz. 1972. Vol. 42. P. 325–357.*

³ *Moorhead J. The Monophysite Response to the Arab Invasions // Byz. 1981. Vol. 51. P. 579–591.*

ческом диапазоне (в статье представлен почти весь регион византийского Ближнего Востока – Сирия, Палестина, Египет). Разумеется, при таком охвате автор не мог достаточно глубоко исследовать весь историкокультурный комплекс данной проблемы. Значение его статьи в другом – в пересмотре ее проблемы традиционной трактовки, что побуждает исследователей к более углубленному изучению данного вопроса.

В различных регионах отношение монофиситского населения к арабским завоевателям было далеко не однозначно. Поэтому подходить к решению данной проблемы нужно дифференцированно. Здесь мы попытаемся на основе анализа максимального круга доступных источников выявить позицию сирийских монофиситов в период арабского завоевания этого региона.

Прежде всего следует отметить, что далеко не все жители византийского Востока были монофиситами. Это отмечает и Дж. Мурхед в своей статье⁴. В Сирии было немало халкидонитов⁵, а также представителей других конфессий (иудеи, сабии и др.).

Если мы обратимся к греко-византийским источникам, повествующим о начале арабских завоеваний (Феофан, Никифор), то увидим, что никаких упоминаний о переходе монофиситов к арабам и в них нет⁶. Правда, в одной из рукописей “Бревиария” Никифора (т.н. Лондонском кодексе) есть известие о том, что ромейские воины в местности Габифа восстали и перешли к сарацинам⁷. Но там не сказано, что эти воины были монофиситами.

При обращении к арабским источникам⁸ нужно иметь в виду, что в сочинениях мусульманских авторов отсутствуют известия о межконфессиональной розни в Византии в изучаемую эпоху. Мусульман это не интересовало, поэтому христиане в их произведениях предстают как единая нерасчлененная масса. Встречаются упоминания об имевших место фактах сдачи местным населением городов арабам, но не всегда говорится о причинах, заставивших жителей капитулировать. Табари свидетельствует, что осада Дамаска продолжалась 6 месяцев⁹. Балазури сообщает, что переговоры о сдаче с арабами вел местный епископ. Его единомышленниками были монахи одного из пригородных монастырей. Во время штурма они дали арабам две лестницы¹⁰. Кем были эти монахи и епископ – монофиситами или халкидонитами – неизвестно¹¹. Капитуляция Дамаска имела место в 635 г. Тот же Балазури сообщает, что еще за год до этого, в 634 г., к Дамаску подошел арабский отряд под командой полководца Халида Ибн-ал-Балида. Тогда епископ прислал Халиду провизию и подарки, сказав при этом: “Запомни мне это наше знакомство”. Халид обещал ему не забыть, после чего увел свой отряд¹². Как видно, в этом случае продовольствие и подарки явились со стороны епископа платой за то, чтобы арабы отступили от города. При этом епископ стремился также обезопасить себя на будущее, чем и объясняются его приведенные выше слова. Он проявил себя как дальновидный политик, предвидя затяжной характер военных действий. Но если этот епископ выражал интересы монофиситов Дамаска, которые хотели бы перейти под власть Халифата, то непо-

⁴ Moorhead J. Op. cit. P. 280–282.

⁵ В.В. Болотов считал, что православное население в Сирии было не менее многочисленным, чем монофиситское (Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Пг., 1918. Т. IV. С. 38).

⁶ Theophanis Chronographia. Lipsiae, 1883–1885. Vol. I–II; Nicephori... Opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lipsae, 1880.

⁷ Orosz L. The London Manuscript of Nicephor's, Breviarium. Br., 1948. P. 22.

⁸ Большую часть арабских источников в русском переводе см.: Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897–1903. Т. I–IV / ППС (Вып. 50); Т. 17. Вып. 2.

⁹ Медников Н.А. Указ. соч. Т. II. С. 189–190.

¹⁰ Там же. С. 55–59.

¹¹ Moorhead J. Op. cit. P. 588.

¹² Медников Н.А. Указ. соч. Т. II. С. 46.

нятно, почему он не сдал город уже тогда в 634 г.? И почему год спустя он заключил договор о капитуляции только через 6 месяцев с начала осады?

Осада Эмесы (Химса) была такой же долгой, как и осада Дамаска. Табари свидетельствует, что арабы осаждали ее в течение зимы 635/636 г. Так же как и в случае с Дамаском, византийские войска оказались неспособными оказать осажденным эффективную помощь. Тем не менее жители Эмесы не сдавались до самой весны, надеясь, что “зима погубит мусульман” (непривычные к холоду арабы с трудом переносили стужу той необычайно холодной зимы). Весной произошло землетрясение, разрушившее часть города, после чего его защитники решили капитулировать¹³.

Летом 636 г. арабы узнали, что против них движется огромная византийская армия, после чего приняли решение отступить на юг и укрепиться в районе реки Ярмук. При отступлении ими были оставлены некоторые ранее занятые города, в том числе Эмеса и Дамаск. По свидетельству Балазури и Абу Юсуфа, арабы вернули, отступая, жителям этих городов собранную с них до этого подать. Столь неслыханный поступок так поразил горожан, что они приняли решение сражаться на стороне мусульман, сказав им: “Ваше правление и ваша справедливость нравятся нам больше, чем та несправедливость и те обиды, которым мы подвергались (при ромеях. – М.К.)”¹⁴. Отступив к Ярмуку, арабы в серии сражений в районе этой реки сумели нанести поражение византийцам, после чего без труда снова заняли оставленные города.

В приведенном примере видно, что выступить на стороне арабов жителей указанных городов побудили не конфессиональные разногласия с византийскими властями, а экономические интересы. В Эмесе при этом особенную активность проявили не христиане, а представители местного иудейского населения, которые при отступлении мусульман дали такую клятву: “Клянемся пятикнижием, что правитель ираклиев только в таком случае вступит в город, если мы будем побеждены и выйдем из сил”¹⁵.

Указанный пример сотрудничества сирийцев с арабскими завоевателями является скорее исключением из общего правила. Гораздо чаще в источниках встречаются свидетельства о сопротивлении местного населения, которое оно оказывало арабам. Многие города собственными силами сопротивлялись завоевателям после поражения ромеев при Ярмуке в 636 г., когда император Ираклий решил, что удержать Сирию не удастся и уехал в Константинополь из Антиохии, где он находился до того¹⁶. При этом византийские войска были выведены из Сирии. То, что арабам пришлось после того потратить еще несколько лет для окончательного ее завоевания, свидетельствует о том, что местное население продолжало оказывать им сопротивление. Более того, когда арабы вышли на западный берег Евфрата, жители Верхней Месопотамии (араб. ал-Джазира), чтобы не допустить их вторжения в свою область, решили нанести упреждающий удар. По их просьбе Ираклий отправил из Египта византийский флот, который высадил десант на финикийском побережье. Чтобы соединиться с ромейским десантом, население ал-Джазиры отправило летом 638 г. на запад свое ополчение. Положение арабского войска в Сирии стало настолько угрожающим, что халиф приказал войскам, стоявшим в Ираке и до этого воевавшим с персами, напасть на ал-Джазиру, чтобы отвлечь внимание ее ополченцев от похода на западный берег Евфрата и не допустить их соединения с ромеями, высадившимися на финикийском побережье. Этот маневр удался. Узнав о вторжении иракских

¹³ Там же. Т. IV. С. 1785–1788.

¹⁴ Там же. Т. II. С. 75; Т. IV. С. 1320–1322.

¹⁵ Там же. Т. II. С. 75.

¹⁶ Там же. С. 74.

арабов в свою область, ополченцы вернулись в ал-Джазиру. Одновременно арабы в Западной Сирии сумели нанести поражение ромеям, прибывшим из Египта¹⁷.

Чтобы по достоинству оценить приведенное свидетельство арабских источников о позиции жителей ал-Джазиры в период наступления арабов, мы должны помнить, что позиция монофиситства в этом регионе были наиболее сильными из всех византийских областей, населенных сирийцами. В период персидской оккупации жителям Эдессы было предложено принять несторианство или монофиситство. (Такое требование объясняется тем, что Сасаниды считали приверженцев халкидонитства, как сторонников официального в Византии исповедания, неблагонадежными в политическом отношении.) Большая часть эдесских халкидонитов приняла монофиситство¹⁸. Когда после окончания в 629 г. византийско-иранской войны Сирия и Верхняя Месопотамия были возвращены под власть Византии, император Ираклий решил объединить местных монофиситов с халкидонитами. Большинство приверженцев монофиситства на такое объединение не пошло, и тогда император применил по отношению к ним репрессии. Гонения начались именно с Эдессы, где у монофиситов была конфискована их церковь¹⁹. Это показывает, что у монофиситского населения ал-Джазиры накануне арабского нашествия были все основания для отрицательного отношения к имперской политике. Тем не менее в источниках нет никаких упоминаний о том, что местные монофиситы встречали арабов как освободителей. То, что арабские источники свидетельствуют о единодушном решении жителей ал-Джазиры помочь ромеям, высадившимся на финикийском побережье, показывает, что в момент наступления арабов теологические разногласия, разделявшие население данной области, отступили на второй план. Страх перед грабежами и убийствами, которые чинили завоеватели, заставил монофиситов на время забыть о притеснениях, которым их подвергали византийские правители, и объединиться с ними перед лицом внешней опасности.

Иногда в научной литературе высказывается мысль о том, что союзные ромеям арабы-гассаниды были монофиситами и это якобы явилось причиной их перехода на сторону арабских завоевателей в 636 г.²⁰ Это в корне неверно. Говорить о безусловном монофиситстве ромейских арабов можно лишь применительно к эпохе до 582 г. По свидетельству Михаила Сирийца, после того как император Маврикий в 582 г. лишил власти гассанидского царя Мундара-ибн-Харита, “ереси распространились среди арабов”²¹. Таким образом, к началу арабских завоеваний среди союзных ромеям арабов были распространены еретические, с точки зрения монофисита Михаила Сирийца, верования, в том числе, по-видимому, и халкидонитство.

Арабские источники также не дают оснований считать, что ромейские арабы перешли к своим мусульманским соплеменникам из-за конфессиональных различий с византийцами. По их свидетельствам, гассаниды до 636 г. верно служили Византии, однако после поражения ромеев при Ярмуке гассанидский царь Джабала ибн-ал-Айхам завязал переговоры с халифом Омаром о переходе на его сторону. Джабала выговаривал себе право остаться христианином, но вместо джизьи и хараджа, налогов, взимаемых с немусульман, платить садакат—почетный налог, платившийся мусульманами. Как видно, царь гассанидов пытался с помощью такой меры утвердить свое особое положение под протекторатом Халифата. Омар не согласился на это ус-

¹⁷ Там же. С. 64, 65, 443–445, 530–532, 544.

¹⁸ *Agapius (Mahboub) de Menbidj. Histoire universelle (Kitab al Unvan). P., 1912. P. 458–460.*

¹⁹ *Michel le Syrien. Chronique. P., 1904. T. 2. P. 412; Chronicon anonymum ad an. Chr. 1234 pertinens // CSCO. Scriptores Syri. Ser. 3. Louvain, 1920. T. 14. P. 236–237.*

²⁰ *Der Islam. I / Hrsg. C.Cahen; Übers. Fs. G. Endrep. Frankfurt, 1978. S. 22; Böhlig A. Op. cit. S. 105.*

²¹ *Michel le Syrien. Op. cit. P. 351.*

ловие, и Джабала со своими всадниками вернулся к ромеям. Умер он в Византии²². Часть сирийских арабов-христиан переселилась в страну ромеев, другие признали над собой власть Халифата. Некоторые из них приняли ислам, другие остались христианами. Интересен такой факт: когда в 638 г. жители Киннесрина подняли восстание Арабского халифата, их поддержали сирийские арабы, которые отреклись при этом от ислама, принятого ими немного ранее. Киннесринцы восстали в момент упоминавшейся выше высадки ромеев на финикийском побережье. Они надеялись, что последние придут к ним на помощь. Как мы видели, этим надеждам не суждено было сбыться, так как ромеи потерпели поражение, после чего войска халифа подавили восстание²³. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что позиция сирийских арабов определялась изменениями военно-политической конъюнктуры, а вовсе не их конфессиональной принадлежностью.

В отличие от арабских историков-мусульман арабские христианские историки в своих сочинениях четко различают монофиситов и халкидонитов. Поэтому для уяснения позиции сирийского монофиситского населения в момент наступления арабов важно обратиться к их свидетельствам. Особенно важны в данном отношении сведения, сообщаемые арабским историком-мелкитом Евтихием (IX–X вв.). Манера изложения материала у этого автора такова, что он, говоря в своей хронике о каких-нибудь исторических деятелях, взгляды которых, с его точки зрения, являлись еретическими, всегда об этом упоминает. Например, об императоре Ираклии говорится, что он был “маронит”, т.е. монофелит. То же самое сказано про александрийского патриарха Кира²⁴. В то же время Евтихий рассказывает о главном сборщике налогов в Дамаске Мансуре, которого назначил на этот пост император Маврикий. Этот Мансур впоследствии изменил ромеям и во время боев при Ярмуке пришел с толпой дамаскинцев на помощь к арабам. Если Балазури инициатором сдачи Дамаска называет местного епископа, то у Евтихия эта роль отведена Мансуре²⁵. Мансур – христианин, но Евтихий ничего не говорил о том, к какой именно христианской конфессии он принадлежал. Это указывает на то, что он был халкидонитом, так как манера Евтихия такова, что он специально не упоминает о конфессиональной принадлежности своих единомышленников. Сомневаться в православии Мансура нет никаких оснований, поскольку далее в хронике сказано, что за помощь мусульманам его проклинали все епископы и патриархи (православные)²⁶. Среди потомков Мансура Евтихий упоминает двух православных патриархов Иерусалима²⁷.

Рассказ о Мансуре можно сравнить с тем, что Евтихий сообщает о главном налоговом сборщике в Египте ал-Мукавкисе, который также перешел к арабам. И о том и о другом историк повествует в одинаковых выражениях, по одному шаблону. И Мансур и ал-Мукавкис возглавляют податные ведомства. Оба смертельно ненавидят императора Ираклия. И тот и другой помогают арабам разбить ромеев. Но если у первого основания для измены чисто экономические (Ираклий заставил его выплатить деньги, которые он во время персидской оккупации Дамаска отдавал персам, а затем в момент арабского наступления император распорядился платить жалованье ромейским войнам за счет самих дамаскинцев), то у второго присутствует и конфессиональный мо-

²² Подробнее об этом см.: *Кривов М.В.* Последние гассаниды между Византией и Халифатом // ВВ. 1981. Т. 42. С. 154–158.

²³ *Медников Н.А.* Указ. соч. Т. II. С. 530–532.

²⁴ *Contextio gemmarum, sive Eutychiei patriarchae Alexandrini Annales / Ed. et interpret. E. Pocochio.* Oxoniae, 1658. P. 240–241, 266–267.

²⁵ Г. Ламменс считает, что при капитуляции Дамаска Мансур помогал епископу.

²⁶ *Contextio gemmarum...* P. 282–283.

²⁷ *Ibid.* P. 444–445, 470–471.

мент²⁸. Евтихий сообщает, что ал-Мукавкис был “яковит” (монофисит)²⁹. В то же время он ничего не говорит о помощи арабам со стороны сирийских яковитов.

Молчат об этом и другие арабские христианские историки – мелкит Агапий Менбиджий³⁰, несториане Илия бар Шинайа³ и автор так называемой “Хроники Сеерта”, монофисит ал-Макин³². Напротив, в “Хронике Сеерта” есть упоминание о том, что во время арабского нашествия многие жители Сирии переселились к ромеям³³.

Обратимся теперь к собственно сирийским источникам. До нас дошли плохо сохранившиеся заметки о военных действиях в середине 30-х годов VII в., сделанные на полях рукописи, содержащей новозаветный текст. Возможно, они принадлежат современнику этих событий. В них упомянут договор, который хителю Химса (Эмесы) заключили с арабами. О причинах, заставивших его заключить, не сказано. Зато очень много говорится о грабежах и убийствах, чинимых завоевателями. Общий тон заметок свидетельствует о негативном отношении их автора к арабским завоевателям³⁴.

Сведения анонимной хроники 724 г. об арабском нашествии восходят к яковитскому писателю VII в. Фоме Пресвитеру, современнику описываемых событий. Никаких проявлений симпатии к завоевателям в этом сочинении нет. Наоборот, автор с явным сочувствием относится к убитым арабами “бедным палестинским крестьянам, христианам, иудеям и самаритянам”, упоминает об опустошении завоевателями всей страны. В хронике также говорится, что арабы убили на горе Марда много монахов (яковитских). При этом погиб брат Фомы Пресвитера Симеон³⁵.

Если мы обратимся к более поздним источникам, таким, как хроника Псевдо-Дионисия³⁶ или анонимная хроника 819 г.³⁷, то в них также не найдем никаких упоминаний о благожелательном отношении сирийских монофиситов к арабскому завоеванию. Нет их и в анонимной восточносирийской (несторианской) хронике второй половины VII в.³⁸ Таких упоминаний нет ни в одном сочинении на протяжении нескольких веков после начала арабских завоеваний.

Относительно благожелательное отношение к арабским завоевателям появляется впервые в XII в. в хронике, написанной яковитским патриархом Михаилом Сирийцем. Нашествие арабов на Византию он рассматривает как наказание свыше за те гонения, которым монофиситы подвергались со стороны византийского правительства. Бог мести, по его словам, “видя злодеяния ромеев, которые повсюду, где они властвовали, жестоко грабили наши церкви и наши монастыри и нас осуждали без жалости, вызвал с Юга сынов Исмаила, чтобы спасти нас посредством их от рук ромеев. И поистине мы понесли некоторый урон, так как церкви православные (яковитские. – М.К.), которые у нас были похищены и предоставлены халкидонитам, ос-

²⁸В отличие от Сирии в Египте были монофиситы, перешедшие на сторону арабских завоевателей. Отношению к арабам египетского монофиситского населения мы намерены посвятить специальную статью.

²⁹Contextio gemmarum... P. 240–241, 272–283, 302–313, 340–341.

³⁰Agapius (Mahboub) de Menbidy. Op. cit.

³¹Eliae Metropolitae Nisibeni Opus Chronologicum / Ed. et interpret. E. W. Brooks // CSCO. Scriptores Syri. Ser. 3. 1910. T. 7.

³²Медников Н.А. Указ соч. Т. II. С. 538–568.

³³Chronique de Séert. Histoire Nestorienne / Ed. A. Scher. P., 1918. P. 627.

³⁴Nöldeke Jh. Zur Geschichte der Araber im I. Jhr. aus syrischen Quellen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschat. 1875. Bd. 29. S. 78–79.

³⁵CSCO. Scriptores Syri. Ser. 3a. P., 1904, T. 4. Versio. P. 114.

³⁶Denys de Tell-Mahré. Chronique, quatrième partie / Ed. et transl. J. Chabot. P., 1895.

³⁷CSCO. Scriptores Syri. Ser. 3. 1920. T. 14. P. 3–22; versio 1937. T. 14. P. 1–16.

³⁸Пигулевская Н.В. Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. 1939. Т. VII. С. 57–78.

тались у них: ввиду того, что, когда города подчинялись арабам, эти присваивали каждому исповеданию храмы, которые они застали в их владении, и что в эту эпоху Великая церковь Эдессы и та, что в Харране, у нас были похищены, однако немалой выгодой для нас было освободиться от жестокости ромеев, их злобы, их гнева, их жестокого рвения по отношению к нам и мы нашли покой”³⁹.

Приведенный пассаж хроники Михаила Сирийца был использован автором анонимной сирийской хроники 1234 г. и Бар Ебреем. Первый пересказал его подробно⁴⁰, второй – кратко⁴¹. Благожелательное отношение к арабским завоевателям в нем налицо.

Однако, когда названные сирийские хронисты начинают рассказывать непосредственно о событиях арабского завоевания Сирии, мы не видим из их повествования, чтобы такое отношение было характерно и для сирийских монофиситов – современников описываемых ими событий. Среди описания различных сражений и занятия арабами городов упоминается, что часть последних сдалась по договору. Но при этом не сказано, что именно местные монофиситы являлись инициаторами их сдачи. Соглашения о капитуляции арабы заключали со всеми горожанами независимо от их конфессиональной принадлежности.

В хронике 1234 г. рассказывается о длительной осаде арабами таких городов, как Дамаск и Эмеса. Дамаскинцы не хотели сдаваться, надеясь на помощь со стороны ромеев. Однако “арабы не отдыхали от борьбы с ними... и увидели жители города, что нет ничего, что бы их спасло, они опустили руки в бою” и согласились на капитуляцию⁴².

Жители Эмесы упорно не хотели сдаваться, заявляя арабам, что откроют ворота, лишь когда те победят императора ромеев. Как и дамаскинцы, они сдались, отчаявшись получить помощь⁴³.

Хронист упоминает о возвращении арабами жителям Эмесы и Дамаска подати накануне боев при Ярмуке, что способствовало тому, что при вторичном занятии города дамаскинцы встретили арабов благожелательно⁴⁴. Известие об этом было, по видимому, заимствовано из арабских источников. Об особом отношении местных монофиситов к завоевателям при этом в хронике 1234 г. ничего не говорится.

В сирийских хрониках XII–XIII вв. мы находим свидетельства о враждебном отношении представителей византийских властей к монофиситам. Так, брат императора Ираклия Феодор (Теодорик), назначенный главнокомандующим в сирийском регионе в 634 г., пообещал одному столпнику-халкидониту истребить монофиситов в случае победы над арабами. Обещание не было выполнено, так как Феодор потерпел поражение⁴⁵. Михаил Сириец рассказывает также о трагической судьбе монофиситского епископа Епифания. При приближении арабов он бежал от них в Киликию. Там ромейский военачальник Григорий потребовал, чтобы он признал Халкидонский собор. Епифаний отказался и за это был казнен⁴⁶.

Приведенные примеры свидетельствуют, что межконфессиональная вражда существенно ослабляла силы византийцев перед лицом внешней опасности и снижала их способность к сопротивлению. В то же время они показывают антиарабскую позицию сирийских монофиситов. В случае с Епифанием мы видели, что он бежал от

³⁹ *Michel le Syrien*. Op. cit. P. 412–413.

⁴⁰ CSCO. *Scriptores Syri*. Ser. 3. Louvain, 1920. T. 14. P. 236–237.

⁴¹ *Barhebraeus*. *Chronicon Ecclesiasticum*. Louvain, 1872. T. I. P. 273–274.

⁴² CSCO. *Scriptores Syri*. Ser. 3. Louvain. 1920. T. 14. P. 245, 248.

⁴³ *Ibid.* P. 249.

⁴⁴ *Ibid.* P. 250–251.

⁴⁵ *Ibid.* P. 242–244; *Michel le Syrien*. Op. cit. P. 418.

⁴⁶ *Michel le Syrien*. Op. cit. P. 422–423.

арабов, а не приветствовал их как освободителей. Рассказывая об обещании Феодора столпнику, хронисты упоминают, что при этом присутствовал один воин-монофисит, который был возмущен таким обещанием, но смолчал, опасаясь репрессий. Когда же арабы разгромили Феодора, воин не без иронии напомнил ему о его разговоре со столпником. Феодор в смущении промолчал⁴⁷. В данном случае мы тоже не видим, чтобы этот или другие воины-монофиситы перешли к арабам.

Отсутствие в сирийских хрониках XII–XIII вв. конкретных упоминаний о проарабской позиции монофиситского населения Сирии особенно контрастирует с тем, как в них описывается арабское завоевание Египта. И Михаил Сириец, и хроника 1234 г. сообщают, что Египет арабам предал монофиситский патриарх Александрии Вениамин⁴⁸. Здесь проарабская позиция налицо. Уместно поставить вопрос: если у монофиситов Сирии были аналогичные настроения, что побудило хронистов умолчать о фактах их сотрудничества с завоевателями?

В хрониках XII–XIII вв. встречаются упоминания об опустошениях и убийствах, чинившихся завоевателями. Так, подобно хронике 724 г., они сообщают об убийстве монахов на горе Марда⁴⁹. При этом Михаил Сириец приводит названия двух монастырей, где были убиты монахи, сообщает, что арабы убили их, заподозрив в шпионаже в пользу персов. В хронике 724 г. таких подробностей нет.

Михаил Сириец также упоминает о захвате арабами в плен множества христиан, собравшихся на праздник в монастырь св. Симеона Столпника близ Антиохии⁵⁰. В данном случае, впрочем, неясно, были ли эти христиане монофиситами или халкидонитами?

Приведенные факты показывают, что пассаж хроник Михаила Сирийца, 1234 г. и Бар Ебрея об “освобождении” монофиситов руками арабов отражает взгляды на этот счет самих хронистов, а не настроения современников арабского завоевания. Очевидно, авторы XII–XIII вв. исходили из того, что до арабского завоевания монофиситы в Византии подвергались преследованиям, а в Арабском халифате были уравниены в правах с халкидонитами. И те и другие оказались одинаково неполноправными в мусульманском государстве. Влияние яковитского антиохийского патриарха в сиро-палестинском регионе в первые годы арабского владычества в известном смысле даже возросло на фоне того, что халкидониты в то время не имели своих патриархов ни в Антиохии, ни в Иерусалиме⁵¹. Это, на наш взгляд, и способствовало тому, что у Михаила Сирийца и примыкавших к нему хронистов сложился взгляд на арабских завоевателей как освободителей от ромейского ига.

Не так думали современники арабского завоевания. В их глазах арабы представлялись прежде всего грабителями и убийцами. Поэтому сирийские монофиситы во время арабского вторжения вместе с представителями других конфессий оказывали завоевателям сопротивление. Ненависть к византийским властям у них при этом отступила на второй план. Более того, в эпоху арабского завоевания Сирии и в первые годы после него у местного христианского населения перед лицом мусульманской опасности возникла определенная тяга к единству. Известен такой факт: в 639 или 644 г.⁵² один арабский эмир встретился с яковитским патриархом Иоанном для беседы о вере, во время которой задал ему много вопросов. Когда в результате слишком смелых ответов патриарха возникла опасность, что он навлечет на себя

⁴⁷ Ibid. P. 418; CSCO. *Scriptores Syri. Ser. 3.* Louvain, 1920. T. 14. P. 242–244.

⁴⁸ *Michel le Syrien. Op. cit.* P. 432–433; CSCO. *Scriptores Syri. Ser. 3.* T. 14. P. 251–253.

⁴⁹ *Michel le Syrien. Op. cit.* P. 419; CSCO. *Scriptores Syri. Ser. 3.* T. 14. P. 245.

⁵⁰ *Michel le Syrien. Op. cit.* P. 422.

⁵¹ *Contextio gemmanum...* P. 270–271, 322–325, 358–361.

⁵² *Brock S. Syriac Sources for Seventh Century History // Byzantin and Modern Greek Studies.* L., 1976. II. P. 32.

гнев эмира, за него хлопотали представители не только яковитов, но и халкидонитов⁵³. Как видно, в данном случае халкидониты считали, что, защищая перед мусульманским эмиром христианское учение, яковитский патриарх выступает как представитель всего христианского сообщества. Беседа закончилась для патриарха благополучно.

Идея единства христианского мира прослеживается также в таком апокалиптическом памятнике, возникшем в VII в., как “Откровение” Псевдо-Мефодия Патарского. В нем видная роль в мировой истории отводится Эфиопии, где, как известно, монофиситство было государственной религией. Автор “Откровения” считает, что царь, вышедший из “моря Эфиопского”, избавит христиан от исмаильтян (арабов)⁵⁴. Сочинение Псевдо-Мефодия пользовалось большой популярностью среди халкидонитов, несториан и монофиситов. Сохранились его многочисленные редакции на сирийском, греческом и других языках.

Однако в целом в ту эпоху общехристианская идея не стала господствующей, межконфессиональные противоречия не были преодолены. Взаимное недоверие сохранялось и снижало способность к сопротивлению арабским завоевателям.

Подводя итог всему выше сказанному, можно констатировать отсутствие в источниках каких-либо данных, свидетельствующих о прорабской позиции сирийских монофиситов в момент арабского завоевания. Мнение ученых нового времени о наличии такой позиции следует считать ошибочным, поскольку оно основано на положительной оценке арабского завоевания сирийскими хронистами XII–XIII вв., а отнюдь не современниками этого события. Известную роль в том, что данная концепция долгое время была господствующей в науке, сыграло определенное преувеличение влияния конфессионального фактора в истории. В действительности основной причиной арабских побед явилось общее истощение империи в результате кризиса, потрясшего Византию в начале VII в. Затяжная война с Ираном (604–629 гг.) ослабила империю еще больше. Хозяйственная разруха и расстройство финансов отрицательно сказались на обороноспособности византийского государства, войска, не получавшие жалованья, становились все менее боеспособными, проявляли склонность к грабежам мирного населения и к открытым мятежам. У арабов, наоборот, в эту эпоху социальные противоречия еще не достигли большой остроты, арабской знати удалось привлечь к участию в военных походах рядовых бедуинов надеждой на богатую добычу. Известная внутренняя монолитность арабского общества наряду с высокими боевыми качествами арабского войска способствовала военным успехам арабов в областях византийского региона.

⁵³ Nau F. Une colloque du patriarche Jean avec l'Emir des Agaréens // Journal Asiatique. 11 Ser. 1915. T. 5. P. 262–263.

⁵⁴ Lolos A. Die Apokalypse des Pseudo-Methodios. Meisenheim am Glen, 1976. S. 122–124.